
А. В. ПАК

ХРИСТИАНСКИЙ ФАКТОР В ПОЛИТИКЕ УСИЛЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО ВЛИЯНИЯ РОССИИ В КОРЕЕ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Впервые мысль об открытии Православной миссии в Корее высказали не священники, а русские дипломаты. В 1889 г. представитель российского МИДа Н. А. Шуйский составил весьма любопытный документ, в котором содержался план основания православной миссии в Корее. В нем, в частности, подчеркивалось, что поскольку Корея представляет для России интерес с точки зрения ее политики на Дальнем Востоке, то «это должно побуждать озаботиться изысканием мер к приобретению там культурного влияния как составляющего фундамента, на котором строится влияние политическое...» (История... 1999: 173).

Российская духовная миссия (РДМ) в Сеуле, несмотря на широко заявленные в первоначальном плане задачи усиления культурного влияния в Корее, практически с самого начала своей деятельности столкнулась с многочисленными проблемами и трудностями. Отсутствие материальных средств и непростая политическая ситуация в Корее привели к тому, что нам пришлось понизить планку своих первоначальных притязаний и ограничиться более скромными целями. Православный храм так и не был построен. Для этого, к сожалению, не хватило ни необходимого финансирования, ни энергии православных миссионеров, ни нужного политического решения. Недооценка влияния религиозного фактора, наряду с просчетами наших дипломатов и сменой приоритетов во внешней политике России, оказались в числе многих объективных факторов, закономерно приведших к тому, что мы отказались от проведения активной политики в Корее, перенеся центр своих интересов в соседнюю Маньчжурию. Слова Н. А. Шуйского о важности культурного влияния, которое переходит в политическое, сбылись, но, к сожалению, не для России.

Ключевые слова: Н. А. Шуйский, Российская духовная миссия (РДМ), православный храм, религиозный фактор, культурное влияние.

Сегодня концепция «мягкого культурного влияния» посредством активного продвижения своих культурных ценностей ис-

*Историческая психология и социология истории 1/2021 101–113
DOI: 10.30884/ipsi/2021.01.08*

пользуется практически всеми развитыми государствами мира, включая США и Южную Корею. Об успехах американцев и южнокорейцев в области пропаганды своей культуры свидетельствуют как популярность музыкальной культуры и киноиндустрии этих стран, так и даже (в случае с Республикой Корея) создание положительного образа национальной кулинарии.

К сожалению, Россия в плане популяризации и продвижения своей национальной культуры стоит далеко не на первом месте. А ведь еще сравнительно недавно, каких-нибудь два столетия назад она была одной из великих держав, пытавшихся активно продвигать на Востоке не только свои государственные, но и культурные ценности. И в этой связи весьма поучительной будет история основания и укрепления православного христианства в Корее в конце XIX – начале XX в.

История первых контактов между Россией и Кореей уходит своими истоками в XVII в., когда после открытия официальных сношений с Китаем россияне получили доступ к сведениям о Корее.

Эпоха «открытия Кореи» положила начало соперничеству великих держав за господство в этой стране. Однако помимо военного, экономического и политического соперничества здесь развернулась борьба за человеческие души – иностранные миссионеры стали активно проповедовать христианство. Каждая из ветвей христианства была представлена интересами одной из великих держав, боровшихся в то время за преобладание на полуострове.

Католицизм представляла Франция, интересы которой в Корее на всем протяжении проникновения туда христианства оставались незначительными. Однако поскольку католики являлись там первопроходцами, им поначалу принадлежал приоритет.

Протестантское направление было представлено большим разнообразием стран, среди которых бесспорными лидерами были США, которые помимо заинтересованности в христианизации имели здесь свои политические и экономические интересы.

Что касается православия, то оно пришло на полуостров позже других христианских конфессий. Российская духовная миссия (РДМ) была учреждена там лишь в 1897 г. (Шкаровский б. г.).

Для сравнения отмечу, что первые католики сумели проникнуть в Корею еще в XVIII в., а протестанты – в 80-х гг. XIX в. Положительное влияние на создание РДМ оказали факты массового

переселения корейцев в конце XIX – начале XX в. на территорию Российской империи и работа православного духовенства в их среде. Основными причинами для вынужденного переселения были неурожаи, стихийные бедствия, голод и жестокие притеснения со стороны феодального правительства.

Корейцы, осевшие на российской территории, для закрепления своего положения сами хлопотали о российском подданстве и выражали желание принять «русскую веру». Причем процесс добровольного принятия корейцами православия был столь значителен, что уже к 70-м гг. XIX в. в Уссурийском крае насчитывалось 2083 крещеных корейца (История... 1999: 120).

Еще до появления корейцев в российских пределах осознанию важности миссионерского служения Русской православной церкви на Дальнем Востоке способствовал граф Е. В. Путятин, который еще в 50-х гг. XIX в. совершил путешествие на фрегате «Паллада» вблизи корейских берегов. В своем письме министру просвещения А. С. Норову он, в частности, писал:

К стыду нашему, все католические и даже протестантские нации, при всяком открытии политических и торговых связей с новыми племенами, первым делом считают распространение между ними истин религиозных и тем всегда успевают образовать партию, расположенную к ним не из одних материальных выгод. Будучи лишены этой святой ревности, мы еще хвалимся пред всеми, что прозелетизм не есть свойство православия, тогда как в этом нам служит укором вся история христианства, начиная с апостольских и до наших времен. Пора выйти из этого заблуждения и неслыханное равнодушие к этому предмету заменить тем большим рвением к проповеди евангельской, чем долее мы находились в теперешнем усыплении (Мельник 2008: 29).

Однако лишь в начале 80-х гг. XIX в. объективно сложились условия, способствовавшие российско-корейскому сближению, к числу которых можно в первую очередь отнести увеличение притока корейских поселенцев в Россию и рост объемов приграничной торговли. Настал весьма благоприятный момент для открытия в этой стране проповеднической деятельности.

Впервые мысль об открытии Православной миссии в Корее высказали не священники, а русские дипломаты. В 1889 г. представи-

тель российского МИДа Н. А. Шуйский составил весьма любопытный документ, в котором содержался план основания православной миссии в Корее. В нем, в частности, подчеркивалось, что поскольку Корея представляет для России интерес с точки зрения ее политики на Дальнем Востоке, то «это должно побуждать озаботиться изысканием мер к приобретению там культурного влияния как составляющего фундамента, на котором строится влияние политическое...» (История... 1999: 173). Шуйский считал, что Россия не сможет укрепиться в этой стране экономически и ей следует с выгодой для себя использовать православную миссионерскую деятельность, с тем чтобы со временем завоевать симпатии со стороны местного населения.

Отдавая дань исторической справедливости, следует отметить, что записка Шуйского на момент ее написания нашла немало приверженцев среди прогрессивно мыслящих российских дипломатов, работавших на корейском направлении. В частности, в одном из комментариев к ней было отмечено, что следует обратить особое внимание на организацию РДМ и на состав ее будущих членов, которые помимо высокого нравственного уровня должны были обладать большим запасом знаний. Причем помимо знания местного языка особое внимание уделялось навыкам практического плана (обиходная медицина, знание некоторых ремесел и даже основ сельского хозяйства), поскольку только так можно было показать корейцам выгоды и удобства жизни цивилизованных народов. (АВПРИ. Ф. 150. Оп. 493. Д. 37. Л. 35).

Примечательно, что и американские проповедники, которые в это время только присматривались к Корее как к перспективному полю для обширной христианской деятельности, также не обошли своим вниманием этот момент. Вот что писал в 1884 г. из Китая своим коллегам – протестантским миссионерам, находящимся в Японии, пастор Джилберт Рейд: «Я считаю, что для работы там (в Корее. – *А. П.*) нужны не столько проповедники, сколько учителя и врачи. Они должны приехать сюда хорошо снабженными, с надлежащими учебниками для того, чтобы преподавать английский язык, а врач – обязательно с медицинскими книгами и инструментами. Тем самым они сразу сумеют завоевать уважение народа, в то время как иная политика возбудит подозрение и даже ненависть со стороны местного населения» (Paik 1987: 75).

Несмотря на усилия дипломатов Н. А. Шуйского, З. М. Поляновского и личное одобрение императора Николая II Святейший Синод лишь спустя одиннадцать лет в 1897 г. утвердил этот проект, но с оговоркой, что главной целью Миссии является «обслуживание русских православных, проживающих в Корее», и лишь «по возможности» (курсив мой. – А. П.) насаждение христианской веры среди местного населения (История... 1999: 181). Столь долгую паузу между планом и его практической реализацией российские историки объясняют тем, что верховные иерархи тогдашней РПЦ попросту не были заинтересованы в расширении деятельности православных миссионеров за рубежом (История... 1999: 323).

Кроме того, следует учитывать и тот факт, что российская дипломатия, в начале 80-х гг. XIX в. делая первые шаги на корейском направлении, выжидала более благоприятного момента для укрепления здесь своего политического и экономического влияния. Он наступил в 1896–1897 гг., когда после бегства вана Коджона в здание русского консульства и назначения нового корейского правительства, из которого были удалены все японские ставленники, позиции России в Корее значительно усилились. Именно в это время в страну прибывают русские военные инструкторы и финансовый советник, которые благодаря своей своевременной и успешной деятельности сумели приобрести высокий моральный авторитет среди тогдашней корейской правящей элиты (Пак 2011: 191–192). Неслучайно именно в это время российский дипломат в Корее З. М. Поляновский обратился с прошением направить православно-го священника в Сеул и построить там храм. Эта просьба была связана с увеличившейся численностью православного населения в столице Кореи, которое, по подсчетам вице-консула, насчитывало 150 человек и основную массу которого составили российские военные инструкторы, военные агенты, учителя русской школы и российские корейцы, работавшие по найму в различных сеульских государственных учреждениях (История... 1999: 180).

Деятельность РДМ в Сеуле, несмотря на широко заявленные в первоначальном плане задачи усиления культурного влияния в Корее, практически с самого начала столкнулась с многочисленными проблемами и трудностями. Одной из главных стало отсутствие храма для проведения богослужений. Несмотря на то, что путем сложных переговоров с корейским правительством подходящий

участок земли для сооружения православного храма был приобретен уже в 1898 г. (История... 1999: 198), он, к сожалению, остался лишь бумажным прожектом, так и не сумевшим обрести под собой реальной почвы (АВПРИ. Ф. 150. Оп. 493. Д. 37. Л. 106).

Основными причинами такого исхода дела стали как нежелание российского МИДа слишком активно вмешиваться в корейские дела, чтобы не вызвать осложнения с Японией, так и равнодушие тогдашнего руководства Русской православной церкви (РПЦ) к нуждам православных миссионеров, работавших за границей. Однако помимо них были и другие, не менее значимые причины, к коим можно отнести смену приоритетов во внешней политике России в конце XIX – начале XX в., неимение у нас достаточного количества надлежащим образом подготовленных проповедников, сильную конкуренцию со стороны иностранных христианских миссий (католиков и протестантов), а также Русско-японскую войну, которая окончательно поставила крест на планах России по усилению культурного и политического влияния в Корее (АВПРИ. Ф. 150. Оп. 493. Д. 37. Л. 55).

Отсутствие материальных средств и непростая ситуация в Корее привели к тому, что нам пришлось понизить планку своих первоначальных притязаний и ограничиться более скромными целями. Соответственно этому были выделено и финансирование, которое составляло примерно 7–10 тыс. р. в год, притом что для постройки хотя бы одного приличного храма, по сведениям, содержащимся в мемуарах православных священнослужителей, требовалась на тот момент сумма никак не меньше 30–40 тыс. р. (История... 1999: 182). По мнению же российских дипломатов, работавших в Сеуле, денег требовалось даже больше. Вот что отмечал тогдашний Российский поверенный в делах в Сеуле Н. Г. Матюнин:

Мне представляется преждевременным учреждать здесь теперь же отдельную духовную миссию и строить для нее особый храм. В материальном отношении отпущенного на это кредита в 25000 рублей (он был отпущен в 1898 г. указом Святейшего Синода. – *А. П.*) совершенно недостаточно: половина этой суммы уйдет на уплату за землю и ограду... Остальная половина уйдет на жилой дом и необходимые хозяйственные постройки миссии, следовательно, для храма необходимо новое ассигнование и если принять в соображе-

ние, что на католический собор (имеется в виду католический храм Мендон. – *А. П.*), строившийся с лишком четыре года и весьма хозяйственно, уже затрачено 60000 долларов, то нашему правительству вряд ли возможно будет ограничиться для отдельной церкви суммой меньше этой (АВПРИ. Ф. 150. Оп. 493. Д. 37. Л. 94).

Поэтому российское министерство иностранных дел, тщательно взвесив все факты и внимательнейшим образом ознакомившись с мнением православных священников и с экспертными оценками наших дипломатических представителей в Корее, пришло к заключению, что возведение в Сеуле отдельного храма, как это первоначально предполагалось, является преждевременным, поскольку постройка церкви потребовала бы неоправданно больших расходов, в несколько раз превышающих уже выделенную на это сумму. Поэтому министерство решило ограничиться пристройкой к зданию российского консульства помещений для домово́й церкви и переименовать духовную миссию в Корее в причт церкви при дипломатической миссии (АВПРИ. Ф. 150. Оп. 493. Д. 37. Л. 124–125).

Такое компромиссное решение этого вопроса, давая немедленное удовлетворение духовной потребности малочисленной российской колонии, проживавшей на тот момент в Сеуле, представляло бы возможность, что в будущем, когда наступит более благоприятный момент, российские дипломаты всегда могли бы вернуться к первоначальному плану постройки православного храма и вновь учредить там духовную миссию.

Однако благоприятный момент так и не представился, православный храм так и не был построен. Для этого, к сожалению, не хватило ни необходимого финансирования, ни энергии православных миссионеров, ни нужного политического решения. Поэтому в 1910 г., когда практически вся Корея покрылась широкой сетью католических и протестантских храмов, русская церковь продолжала ютиться в маленьком помещении при российской дипломатической миссии. А. С. Сомов – российский дипломат, работавший тогда в Сеуле, подводя своеобразный итог работе русских православных миссионеров, отмечал:

Члены нашей Духовной Миссии глубоко преданы своему делу, ревностно изучают корейский язык и стяжали себе всеобщее уважение. К сожалению, деятельность их мало

плодотворна... Нашей Духовной Миссии невозможно соперничать с Миссией католической и миссионерами протестантскими, располагающими миллионными средствами. Кореец, желающий принять христианство, обратится не в Православную Миссию с церковью, помещающуюся в душевной комнате, с плохим пением, со смешанной службой на русском и корейском языке, без проповедников, а в Католическую или Протестантскую, где он находит роскошные храмы, прекрасное пение, службу на корейском языке, школы, библиотеки, больницы, докторов, сестер милосердия, амбулатории, богодельни, приюты, общественные собрания и проч. (АВПРИ. Ф. 150. Оп. 493. Д. 38. Лл. 38–39).

Несмотря на скудость финансирования и относительную малочисленность штата церковных служащих, в Российской православной миссии практически с момента ее основания трудились талантливые проповедники – настоящие подвижники своего дела. К таковым, безусловно, можно отнести таких священников, как архимандриты Амвросий, Хрисанф и Павел Ивановский, которые не только приложили немало усилий в деле пропаганды православия среди корейцев, но и оставили после себя массу бесценных исторических свидетельств, в которых подробнейшим образом освещалась как работа наиболее значимых христианских миссий в Корее, так и описание традиций, обычаев и нравов самих корейцев.

При изучении материалов по Корее, написанных православными священниками и российскими дипломатами той поры, возникает убеждение, что основными противниками на поле религиозного влияния они видели католическую церковь. Этому способствовали, с одной стороны, исторически сложившиеся непростые отношения между католиками и православными, а с другой, – реальный опыт столкновения с католическими прозелитами в других странах, где они прямо характеризуются как «мастера политических интриг» (История... 1999: 175). На протестантов же до определенного момента представители российского духовенства и наши дипломаты смотрели с изрядной долей скептицизма, характеризуя, в частности, тех же американских миссионеров как «тунеядцев и неудачников», способных лишь к заботе о собственной выгоде (АВПРИ. Ф. 150. Оп. 493. Д. 8. Л. 63).

Между тем начиная с 90-х гг. XIX в. за очень короткий срок на первый план стали выдвигаться именно американские миссионеры. Проповедники из США были первыми, кто в конце XIX – начале XX в. привнес в тогда еще единое корейское государство прогрессивные идеи западной культуры. В своей деятельности американцы успешно использовали принципы Джона Невюса, которые российские священники отметили, но отнеслись к ним снисходительно, посчитав их «протестантским чудачеством» (Ивановский 1904: 44).

Между тем среди десяти пунктов, сформулированных Невюсом, содержались по меньшей мере два, которые без всякого преувеличения можно назвать новаторскими. Это опора в религиозной работе на простонародный корейский национальный алфавит хангыль и то, что пропаганду христианства в Корее должны были вести сами корейцы, а не чуждые им по культуре и внешнему облику европейские миссионеры (Wanne 2000: 536–537).

Поэтому очень скоро помимо самих американских миссионеров, которые стали активно открывать в Корее свои церкви, школы, типографии и больницы, по всей стране с целью пропаганды нового вероучения начали ездить «квонсо» – добровольные помощники миссионеров из числа местных корейцев, на которых помимо распространения Библии была возложена и роль популяризаторов христианства. Часто религиозная деятельность «квонсо» сочеталась с ликвидацией неграмотности среди местного населения и обучением простонародья хангыль. Не случайно именно в это время в Корее появилась народная поговорка – «Нет более великой трибуны для проповеди, чем обувь квонсо» (Чан Джэен 1997: 67). Практически тем же самым занимались и «чхондо пуин», только уже в среде корейских женщин (Нуаеуеол Choi 2009: 67).

Ничего подобного православные священники в своей практике, к сожалению, не использовали.

Немалые трудности представляло для русских миссионеров и изучение корейского языка. На это обратил особое внимание российский дипломат в Корее Н. Г. Матюнин, который, говоря о деятельности европейских миссионеров, писал:

Успех европейских миссионеров истекает из того, что они в совершенстве владеют корейским языком, на котором ведут проповедь и обучают детей... Много лет потребуются нашим миссионерам, чтобы изучить язык, отличающийся

отменной сложностью речи, а без этого они не найдут искренних прозелитов (АВПРИ. Ф. 150. Оп. 493. Д. 37. Л. 94).

Российские же священники пошли по традиционному пути своих духовных предшественников в Китае, решив использовать уже переведенные на китайский язык религиозные тексты, поскольку они посчитали, что иероглифы являются универсальным ключом к традиционной культуре всех народов Дальнего Востока (История... 1999: 194).

При этом ими, к сожалению, не был учтен тот факт, что китайский язык и литературу знали лишь достаточно образованные слои корейского общества. Работа по переводу, начатая еще в 1899 г. при архимандрите Хрисанфе, была закончена лишь при Павле Ивановском в 1910 г., когда весь Корейский полуостров уже покрылся многочисленными католическими и протестантскими церквями.

Что касается принципа использования самих корейцев в пропаганде христианских идей, то православные священники предпочитали использовать в своей работе корейцев, уже перешедших в российское гражданство, притом что последние сами стремились максимально «русифицироваться», поскольку с приобретением нового статуса они приобретали немало выгод (Пак, Бугай 2004: 42).

К корейцам же в самой Корее, искавшим путь в православие с целью материальных выгод, они относились резко отрицательно, следуя идеалистически-консервативному принципу не допускать в лоно церкви людей с мирскими интересами.

Американские протестанты, напротив, с самого начала выстроили пропаганду христианства среди корейцев не через формальные проповеди, а посредством образовательно-благотворительной деятельности. При этом создание ими школ, больниц и богоугодных заведений, столь хорошо известных российским востоковедам, были лишь внешней стороной их деятельности.

С одной стороны, не без участия протестантских миссионеров шла трансформация традиционной корейской культуры – появлялись новые виды спорта (футбол, теннис, бейсбол, регби и т. д.), европейская музыка, новые увлечения и пристрастия. Главным механизмом ненавязчивого внедрения новых ценностей стали миссионерские школы, которые являлись не только чисто образовательными учреждениями, но и своеобразными центрами культурной

жизни для местных корейских общин. Не случайно в протестантских колледжах часто проходили зрелищные спортивные соревнования, концерты самодеятельных ансамблей, которые пользовались заслуженной популярностью у местных жителей (Fisher 1928: 95).

Причем этот процесс постепенного изменения традиционных конфуцианских ценностей шел в равной степени как среди корейской элиты, которая видела в идеях протестантизма духовный двигатель обновления и модернизации, так и в среде простонародья, которое благодаря обучению в христианских школах приобщалось к новым знаниям.

Не случайно успехи в просветительной деятельности, начатой американскими миссионерами в конце 80-х – 90-х гг. XIX в., совпали по времени с движением корейского «Общества независимости» («Гоннип хёпхве»), большинство членов которого были протестантами. Наряду с пропагандой прогрессивных идей социального равенства, прав граждан и демократических свобод, это общество стало главным орудием части корейской элиты и заинтересованных держав, направленным против усиления влияния России в Корее.

Недооценка влияния религиозного фактора наряду с просчетами наших дипломатов и сменой приоритетов во внешней политике России оказались в числе многих объективных факторов, закономерно приведших к тому, что мы отказались от проведения активной политики в Корее, перенеся центр своих интересов в соседнюю Маньчжурию. Слова Н. А. Шуйского о важности культурного влияния, которое переходит в политическое, сбылись, но, к сожалению, не для России.

Сегодня как востоковеды, так и историки православной церкви высказывают различные мнения в отношении того, почему православию не удалось занять в Корее места, достойного великой державы. В числе многих объективных причин случившегося основной, на взгляд автора, было равнодушие высшего руководства РПЦ к реальным нуждам своих проповедников, работавших за пределами России.

Вот что писал русский священник, работавший в начале XX в. в соседнем Китае, где позиции РДМ были гораздо более весомы, чем в Корее: «Дело миссии не есть дело только ее членов, это дело всей церкви, всего православия. И, если инославные поставляют в

Китай тысячные полки своих миссионеров и тратят миллионы на внешнее представительство своих церквей, то русскому человеку, должно всеми силами поддерживать работоспособность нашей миссии» (Иванов 2005: 144).

Однако ни аналогичные отчеты наших дипломатов, работавших в Корее (История... 1999: 375), ни просьбы православных миссионеров не нашли отклика у высших иерархов РПЦ.

Некоторым утешением российским политикам может служить тот факт, что не мы одни не сумели своевременно оценить влияние христианских идей на корейское общество. Когда Корея в 1905–1910 гг. окончательно потеряла свою национальную независимость, став частью Японской империи, корейские христиане сыграли важную роль в национально-освободительном движении. Протестантская церковь, набравшая к 1910 г. значительную численную силу, имевшая широкие коммуникационные связи по всей стране и пользовавшаяся большим моральным авторитетом среди корейцев, стала серьезным оппонентом колониальной власти.

И сегодня религиозный фактор продолжает играть важную роль в жизни современного южнокорейского общества, являясь, с одной стороны, достойной частью традиционной корейской истории, а с другой, – одним из духовных источников новых идеалов, которые необходимы РК в эпоху всемирной глобализации.

Литература

Денеша Д.С.С. А. С. Сомова из Сеула от 8 октября 1910 г. АВПРИ. Ф. 150. Японский стол. Оп. 493. Д. 38. Л. 39.

Ивановский, П., пером. 1904. *Современное положение христианских миссий в Корее.* Владивосток.

Иванов, П. 2005. *Из истории христианства в Китае.* М.

Извлечение из письма Д.С.С. Н. Г. Матюнина от 30 сентября 1897 г., АВПРИ. Ф. 150. Японский стол. Оп. 493. Д. 37, Л. 55.

История Российской духовной миссии в Корее. М., 1999.

Краткий очерк распространения христианства в Корее в связи с вопросом об учреждении там Православной Духовной Миссии. АВПРИ. Ф. 150. Японский стол. Оп. 493. Д. 37. Л. 35.

Мельник, В. И. 2008. *Гончаров и православие.* М.

Пак, А. В. 2011. *Общество независимости в Корее.* М.

Пак, Б. Д., Бугай, Н. Ф. 2004. *140 лет в России. Очерк истории российских корейцев.* М.

Письмо управляющего МИД М. Н. Муравьева Обер-прокурору Святейшего Синода К. П. Победоносцеву от 10 октября 1898 г. АВПРИ. Ф. 150. Японский стол. Оп. 493. Д. 37. Л. 124–125.

План постройки церкви в Сеуле. АВПРИ. Ф. 150. Японский стол. Оп. 493. Д. 37. Л. 106.

Секретная телеграмма А. Н. Шпейера из Сеула от 15 мая 1898 г. АВПРИ. Ф. 150. Японский стол. Оп. 493. Д. 8. Л. 63.

Чан Джэен. 1997. *Первомартовское движение 1919 г. и корейская протестантская церковь.* М.

Шкаровский, М. В. Б. г. Русская православная духовная миссия в Корее. URL: <http://www.bogoslov.ru/greek/>.

Fisher, J. E. 1928. *Democracy and Mission Education in Korea.* New York.

Hyuaweol Choi. 2009. *Gender and Mission Encounters in Korea: New Women, Old Ways.* Berkeley.

Paik, L. G. 1987. *The History of Protestant Missions in Korea 1832–1910.* Seoul.

Wanne, J. J. 2000. *A Cultural History of Modern Korea.* Seoul.

Архивы:

АВПРИ – Архив внешней политики Российской империи.